

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

**ПЯТАЯ
КОЛОННА**
И РУССКАЯ
ЦЕРКОВЬ

Исторические открытия

Валерий Шамбаров

**«Пятая колонна» и Русская
Церковь. Век гонений и расколов**

«Алисторус»

2019

УДК 94 (47)
ББК 63.3(2)

Шамбаров В. Е.

«Пятая колонна» и Русская Церковь. Век гонений и расколов
/ В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2019 — (Исторические
открытия)

ISBN 978-5-907120-54-9

Когда рухнул СССР, один из главных организаторов этой операции Збигнев Бжезинский заявил: «У нас теперь один враг – Русская Православная Церковь». Хотя она и от коммунистических властей терпела гонения! Парадокс? Нет. Западные правительства, спецслужбы и «закулиса» во все времена нацеливались разрушить не политическую систему в нашей стране, а историческую Россию как таковую. Для этого использовались и военные, и дипломатические диверсии, и «пятая колонна» в самой России. Новая работа известного писателя-историка Валерия Шамбарова представляет собой уникальное исследование подрывных влияний, направленных на уничтожение духовной основы нашего народа. Она охватывает период от крушения Российской Империи до сегодняшнего дня, до церковного раскола на Украине. Тайные проекты Ватикана и Константинопольской Патриархии, теневые группировки в советской и пост-советской верхушке, силовые удары по Православию и попытки развалить его изнутри – обо всем этом читатель узнает из книги ««Пятая колонна» и Русская Церковь».

УДК 94 (47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-907120-54-9

© Шамбаров В. Е., 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Шамбаров

«Пятая колонна» и Русская Церковь. Век гонений и расколов

Глава 1

Поместный Собор на обломках Империи

Российская Империя в начале XX века достигла вершины своих успехов. Создала передовую по тем временам промышленность, была одним из мировых лидеров по производству сельскохозяйственной продукции, по темпам роста экономики уверенно держала первое место в мире. Средняя зарплата рабочих была самой высокой в Европе [137, с. 108–109]. Очень высоким был и прирост населения, рождаемость достигала 45,5 детей на 1000 жителей в год. Православие имело статус государственной религии, но уникальная система Российской Империи сумела гармонично объединить под своей эгидой многочисленные народы со своими верованиями. Государю служили и лютеране, и католики, и армяне, и мусульмане, и буддисты. Служили верно, искренне считая Россию своей родиной. Мусульмане, сражаясь за нее в рядах Русской армии, называли себя «шахидами», воинами за веру. Потому что воевали за Белого Царя, покровителя их религии. Монархия твердо защищала интересы всех своих подданных, и могущественная, процветающая Россия становилась главным конкурентом западных держав как в международной политике, так и в промышленности, торговле.

Ее всячески шельмовали. В 1914 году втянули в Мировую войну. Ее подставляли западные союзники, и она в критические моменты оставалась без помощи, без оружия и боеприпасов. Но она обладала настолько колоссальной внутренней силой, что преодолевала даже такие испытания. Сама, без иноземных «друзей» совершила мощный рывок военного производства. На ходу перевооружала армию. Одерживала блестящие победы. В 1917 г. готовила сокрушительные удары, которые должны были сломить противников, – а Россия по праву заняла бы первое место среди победителей, выдвигалась на ведущую роль на мировой арене...

Но этого не допустили. Против Империи давно уже развернулись подрывные операции западных правительств и спецслужб, в них были широко задействованы масонские структуры, вербовались и внедрялись агенты влияния, опутывая царский двор, правительство, Государственную Думу, общественные организации, средства массовой информации. В сознании людей подменялись и искажались, казалось бы, бесспорные факты и понятия. Царская власть, обеспечившая грандиозные достижения России, с какой-то стати признавалась «отсталой», «реакционной», «неспособной» решать современные задачи. Аналогичные обвинения обрушивались на административную и хозяйственную систему, военное командование. Невзирая на очевидную истину, что «каждое дерево познается по его плодам» (Лк. 6, 44), в разных слоях общества насаждалось убеждение в срочной необходимости политических реформ по западным образцам. Требования этих реформ приобретали все больший размах. А подобная атмосфера создала вполне благоприятную почву для формирования заговора.

Сейчас уже хорошо известно, что за организацией так называемой Февральской революции стояли дипломаты и спецслужбы Великобритании, об этом в свое время докладывала даже французская разведка [137, с. 276–277]. Была разыграна операция с изоляцией Царя Николая II и публикацией от его имени поддельного «отречения» со склеиванием разных частей бланка телеграммы, копированием подписи Государя. В результате власть захватило самозванное Временное правительство, певшее с голоса иностранных советников. Провозгласило те самые «спасительные» реформы, которыми заморочили головы гражданам России. Но привели

они не к процветанию, а к стремительному развалу. А на смену одним «реформаторам» закулисные режиссеры уже вытаскивали других, еще более радикальных – эсеров, большевиков, сепаратистов, усугубивших разрушительные процессы, доведя их до кошмаров Гражданской войны.

Но уничтожение России было не только политической, оно являлось и духовной диверсией. Ее главные заказчики и сценаристы из финансовой и политической элиты Англии, США, Франции были традиционно связаны с тайными оккультными орденами и масонской иерархией. Поэтому физическое разрушение закрепили еще и магическим «убийством Империи»: в ночь на 17 июля 1918 года в подвале Дома Ипатьева в Екатеринбурге совершилось сакральное жертвоприношение Николая II и его Семьи [92]. В данном контексте еще раз можно обратить внимание, теневые организаторы прекрасно знали, что Государь не отрекался. Для черного жертвоприношения был важен именно настоящий, действительный Царь, Помазанник Божий. В советском правительстве операцию курировал Свердлов.

Справка: кто есть кто?

Свердлов Яков Михайлович. Сын владельца мастерской в Нижнем Новгороде. Гений организации и интриг. Тайный оккультист. Старший брат Зиновий – приемный сын Горького, высокопоставленный масон, французский офицер (впоследствии генерал). Младший брат Вениамин – американский бизнесмен, друг и компаньон английского разведчика Сиднея Рейли. В 1905–1906 годах Яков Свердлов – глава террористических организаций на Урале. В 1917 году возглавил секретариат ЦК партии и Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) Советов. Организатор «красного террора», «расказначивания», «наступления на деревню». Главный координатор магического жертвоприношения Царя и его Семьи. Умер в марте 1919 года после избития голодными рабочими в Орле [133].

Что ж, замыслы теневых режиссеров реализовались. Прекраснейшая и богатейшая страна лежала в полном хаосе. Ее промышленность была парализована, заводы и фабрики остановились. Города погрузились в холод, темноту, нищету – без отопления, электричества, без хлеба. Ветер свистел в выбитых окнах опустошенных деревень, над незасеянными полями. Земля наполнялась трупами павших в сражениях, расстрелянных, вымерших от тифа, от голода. Только погибшими страна потеряла 15–17 млн. человек, 12–13 % населения. Не считая раненых, больных, искалеченных – и морально искалеченных. Около 2 млн. оказалось в эмиграции.

А то, что осталось от России, корежили и доламывали социальные эксперименты большевиков. Шло повальное разграбление национальных богатств – на запад потекли русское золото, нефть, лес, пушнина, хлеб, вывозились целыми вагонами и пароходами шедевры искусства, антиквариат. Нахлынули и чужеземные хищники. Правительство Ленина и Троцкого щедро раздавало конфессии американцам и англичанам – рудники и месторождения Урала, Сибири, Кавказа, нефтепроводы, промышленные предприятия. Но наш рассказ – о процессах, происходивших в церкви...

* * *

Известный советский полководец Михаил Фрунзе однажды сказал, что «армия – сколок общества». То же самое в полной мере применительно к церковной организации. Ведь к тому же обществу принадлежат и священнослужители, и прихожане. Если общество больное – о чем тут говорить? Разброд среди русского духовенства начался задолго до революции. Оно заражалось либеральными, социалистическими, масонскими идеями. Можно ли считать случайным, что великий подвижник, которого верующие уже при жизни почитали святым, правед-

ный Иоанн Кронштадтский подвергался гонениям и нападкам со стороны видных архиереев Синода? А с другой стороны, можно ли считать случайным, что два талантливых проповедника, поначалу подвизавшихся среди учеников Иоанна Кронштадтского и пытавшихся подражать ему, впали в соблазн и стали провокаторами? Поп Гапон, втянутый под влияние эсера Рутенберга, большевика Красина и писателя Максима Горького. И иеромонах Илиодор (Труфанов)...

Справка: кто есть кто?

Илиодор (Сергей Труфанов). Способнейший проповедник, собирал «черносотенные» общины, призывал к погромам, якобы «за Царя», создав себе популярность шумными скандалами. Взялся отделять собственную «церковь», отрекся от Православия. Принялся обличать Григория Распутина, организовал покушение на него. С помощью Горького бежал за границу. Прославился клеветническими публикациями о Распутине и Царской Семье. Был завербован резидентом британской разведки в США Уильямом Вайсманом в рамках операции «Управление штормом», использовался в качестве агента влияния в Советской России. При поддержке Ленина пробовал играть роль «альтернативного патриарха», организовывал покушение на Патриарха Тихона. Закончил жизнь в США дворником, перейдя в секту баптистов [137].

Из-за подобного разброда, накопившихся духовных и организационных проблем еще в начале 1900-х годов обозначилась необходимость созыва Поместного Собора – представительного органа всего русского духовенства и мирян, полномочного решать ключевые вопросы церковной жизни. Ведь Поместные Соборы не собирались с конца XVII века, а за два столетия многое изменилось и в государстве, и в церкви. Государь Николай II в 1905 году выражал готовность созвать его, восстановить Патриархию, упраздненную Петром I. Но... уже и среди высшего Священноначалия взгляды на роль Патриархии и самого Собора кардинально отличались. Одни видели в этом возврат к старине, укрепление ортодоксального Православия. А другие желали видеть Собор оппозиционным органом, церковной Думой. И возрождение Патриархии рассматривали как создание центра «альтернативной» власти, путь к «независимости» от государства. С одной стороны – для давления на Царя и правительство, с другой – для «модернизации» Церкви.

При столь широком разбросе мнений найти общие точки зрения было проблематично. Священноначалие не могло договориться между собой даже о персональной кандидатуре Патриарха. Поэтому созыв Собора откладывался. А на деле получалось, что только контроль со стороны Царя и его представителей в Синоде удерживал духовенство от скатывания в церковную смуту. Архиереи, ослепленные честолюбием и погрязшие в собственных мудрствованиях, оказывались близкими к аристократии, к промышленным и финансовым тузам, к либеральной профессуре. Но напрочь оторвались от чистоты народного Православия, и не случайно последней духовной опорой Государя стали вовсе не они, а гонимый «прогрессивной общественностью» и заливаемый клеветой святой Старец Григорий Распутин.

19 февраля (4 марта) 1917 г. Церковь отмечала Неделю Торжества Православия. В те времена в этот праздник служился особый чин. Вот как его описывает Святитель Николай Японский: «По восхвалении Бога, Зиждителя Церкви, и Святых Отцов, богозданных столпов ее, протодиакон стал провозглашать: «Неверующим в Бога – Творца вселенной, а мудрствующим, что мир произошел сам собой и держится случайно, – анафема! Неверующим в Искупителя и Искушение – анафема! Неверующим в Святого Духа – анафема! Не верующим в Святую Церковь и противящимся ей – анафема! Не почитающим святые иконы – анафема! Изменникам Отечеству и Престолу – анафема!». При каждом провозглашении слышалось трехкратное пение слова: «Анафема!». Боже, что за впечатление этого пения!.. Слышится голос невидимых певцов, подтверждающий голос Церкви, отлучающий несчастных, уже отлучивших себя

самих; но то – голос, растворенный печалью и любовью; то – рыдающая мать, отвергающая своих недостойных детей, но еще не без надежды для них; им вслед звучит нота материнской любви, без слова зовущей их опять на лоно матернее – не опомнятся ли несчастные, не тронет ли их скорбь матери, не оглянутся ли они на свое положение и не познают ли весь ужас его? Без слез, без рыданий невозможно было слушать это трогательное «Анафема!»... Это чудное, и грозное, и любвеобильное «Анафема!» еще звучит у меня в ушах, им полна моя душа, и я плачу в сию минуту слезами умиления» [36]. А всего через четыре дня после провозглашения анафемы изменникам Отечеству и Престолу... грянула революция.

Духовенство было единственной силой, способной остановить безумие. Идти на улицы, в казармы к бунтующим солдатам, на заводы к рабочим. Увещевать их, напомнить о присяге всего народа Царскому Престолу в 1613 году, о присяге Николаю II. Но церковная верхушка изменила Государю в числе первых! Отреклась от Помазанника Божия! А «Помазанник» по-гречески – «Христос». Революцию восприняли с радостью – над ними наконец-то не будет контроля! Не будет узды, мешавшей творить, что хочется. 2 марта, даже до того, как появились лживые «манифесты» о мнимом «отречении» Императора, Святейший Синод признал власть «Временного комитета Думы». 4 марта из Синода вынесли кресло Государя, а 6 марта полетели распоряжения всем священникам вместо «Царствовавшего Дома» поминать на службах «благочестивое Временное правительство».

Невзирая на такую лояльность и сочувствие, победившие заговорщики устроили в церковной верхушке серьезную чистку. Назначили нового обер-прокурора Синода В.Н. Львова, под его руководством ряд митрополитов и епископов, признанных монархистами и «реакционерами», вывели из Синода и поснимали с управления епархиями, отправив «на покой». А 29 апреля 1917 года было издано обращение о созыве Поместного Собора. По содержанию оно было откровенно изменническим: «Прошедший у нас государственный переворот... обеспечил и Церкви возможность и право свободного устройства. Заветная мечта русских православных людей стала теперь осуществимой».

Делегаты определялись трех категорий. По должности – члены Синода, епископы, ректоры духовных академий, настоятели важнейших монастырей. По приглашению – члены Государственного совета, депутаты Государственной Думы, профессора университетов. И по выбору – от каждой епархии предписывалось направить на Собор двух священнослужителей и троих мирян. Эти выборы прошли в три этапа. В приходах, благочиниях и епархиях.

15 (28) августа 1917 года в Москве, в Успенском соборе Кремля, состоялось торжественное открытие Собора. Из 564 делегатов больше половины (299) составляли миряне. Почетным председателем был избран старейший из архиереев, митрополит Киевский Владимир (Богоявленский). А на заседаниях председательствовал митрополит Московский Тихон (Белавин). Было создано 22 комиссии для рассмотрения того или иного круга проблем. Стоит отметить, что деятельность Собора разворачивалась на фоне драматических событий. Как раз в эти дни была разыграна провокация с мифическим «мятежом» генерала Корнилова. Для Керенского она стала предлогом ликвидировать остатки правых политических организаций. Разгромив их, глава Временного правительства собрал Демократическое совещание, сформировавшее «предпарламент». Не дожидаясь Учредительного собрания, которое должно было решить принципы государственного устройства, Россию провозгласили республикой.

В подобной атмосфере, в угаре «свобод», и Поместный Собор многим стал представляться аналогом парламента, только церковного. В заседаниях участвовали и выступали сам Керенский, его заместитель Авксентьев (оба были видными масонами). А среди делегатов преобладало течение, позже вылившееся в ересь «обновленчества». Ее сторонники требовали кардинальных реформ православия, по сути, протестантских. Упрощение Церкви, приспособление ее учения к социалистическим теориям. Обсуждалось, что вполне можно соединить

Православную Церковь с англиканской, со старокатоликами (частью католиков, отколовшихся в 1870 году и не признавших догмат о «непогрешимости папы»).

Вопрос об избрании Патриарха долгое время вообще отвергался. Радикальное крыло резко возражало и доказывало, что восстановление Патриархии несет опасность «диктатуры» в Церкви, предлагало коллегиальное управление, наподобие расплодившихся в данное время советов и комитетов. Впрочем, в России уже дошло и до выборов священников, мало того – епископов, «революционными» прихожанами. Но обстановка быстро менялась. Правительство Керенского, наломавшее дров, теряло всякий авторитет и упускало из рук власть. Грянул Октябрьский переворот... Лишь после этого на Соборе стали брать верх трезвые голоса, что избирать Патриарха необходимо, причем незамедлительно. Епископ Астраханский Митрофан говорил: «Россия горит, все гибнет. И разве можно теперь долго рассуждать, что нам нужно орудие для собирания, для объединения Руси? Когда идет война, нужен единый вождь, без которого воинство идет вразброд».

Однако даже сейчас предложение о выборах прошло далеко не подавляющим большинством – «за» проголосовал 141 делегат, «против» – 121, и 12 воздержалось. Пришлось также обсуждать и принимать отдельное постановление, что Патриарх должен избираться из «лиц священного сана» (были мнения, допускающие ставить его из мирян, как у протестантов). А процедуру выборов утвердили в несколько этапов. Сперва тайное голосование, потом жребий. В данном отношении сохранили древнюю христианскую традицию – предоставить окончательное решение на волю Господа.

В первом туре подавали записки, каждый делегат указывал одно имя. Обозначился список кандидатов. Из него исключили бывшего обер-прокурора Синода Самарина, как мирянина, и протопресвитера Николая Любимова, он был женат. Протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский сам снял свою кандидатуру. В следующих турах из списка отобрали троих. Архиепископ Антоний (Храповицкий) набрал 159 голосов, митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) – 148, митрополит Тихон (Белавин) – 125. Но заседания пришлось прерывать. Загремели бои в Москве. Собор пробовал вмешаться в начавшуюся усобицу. Направлял делегатов для переговоров, объявил Крестный Ход, чтобы прекратить кровопролитие. Да куда там! Большевики на эти усилия не реагировали. Снаряды тяжелых орудий с Воробьевых гор полетели на купола кремлевских церквей. Было несколько попаданий и в Успенский собор, где проходили заседания. Их пришлось перенести в храм Христа Спасителя.

Из расстрелянного Успенского собора сюда перенесли Владимирскую икону Божьей Матери и перед ней 5 (18) ноября положили три записки. Старец Зосимовой пустыни Алексий вынул жребий. Избранником стал митрополит Тихон. Собор принял также законопроект о юридическом статусе Православной Церкви. Определялось, что она «занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение», «государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе, как по соглашению с церковной властью», «глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и их товарищи должны быть православными...»

Утвердили структуры управления по модели Константинопольской Патриархии – при Патриархе создавались Священный Синод и Высший церковный совет. Первый ведал каноническими, богослужебными делами, второй – административными, хозяйственными, просветительскими. На этом первая сессия Собора завершила работу. Вторая должна была открыться 20 января 1918 года. На ней намечалось рассмотреть вопросы епархиальной и приходской жизни. Но окружающая действительность властно вносила суровые поправки.

В Церкви наметились первые расколы. От РПЦ отделилась Грузинская Церковь. Ранее она была независимой, автокефальной. Когда Грузия присоединилась к России, то и ее Православная Церковь вошла в Русскую, получила права экзархата, то есть внутренней автономии.

Но теперь Закавказье отпало, и Грузинская Церковь снова восстановила полную самостоятельность.

А на Украине власть захватили националисты Центральной Рады. Провозгласили сперва автономию, а потом и независимость от России. Причем независимость предполагалась не только политическая, но и духовная. Часть местных священников решила подстроиться к новой власти, другие и сами заразились национализмом. Взяли курс на «украинизацию» Церкви. Возглавили движение архиепископ Алексей (Дородницын), епископ Евгений (Краснокутский), протоиерей Василий Липковский. В августе 1917 года, в разгар «свобод» Керенского, им подыграл и Синод Русской Церкви. Дал согласие на использование украинского языка в проповедях и в приходских школах [117, с. 335]

Но националистам этого было мало. Они рвались к автокефалии, начали подготовку к Всеукраинскому Собору. Была создана Временная церковная рада (совет), фактически руководил ею комиссар Центральной Рады Карпинский. Первое, что он сделал – запретил помянуть на службах российскую власть и русское воинство. Самостийники принялись рассылать своих представителей по Украине, захватывать храмы, смещать священников, сохранявших единство с Русской Православной Церковью. Но собственного духовенства у них не хватало, и миряне стали коллективно избирать и даже «рукополагать» священников, епископов. Сами националисты были революционерами, социалистами, поэтому в их «церкви» повсюду торжествовало обновленчество. Вводилось богослужение на украинском языке, оно упрощалось. Священникам разрешалось ходить и служить в мирской одежде [58].

Они прислали делегатов и в Москву на Поместный Собор, и Патриарх Тихон с соборным советом благословили созыв Всеукраинского Собора, с одним лишь условием – чтобы он проводился на канонических основаниях. Но стала доходить информация обо всех безобразиях на Украине, вызовы и приглашения в Москву архиепископ Алексей (Дородницын) откровенно игнорировал. Тогда Патриарх и Синод запретили его в служении. Хотя ему уже было плевать на Русскую Церковь. 7 января 1918 года в Киеве открылся Всеукраинский Собор и объявил, что местная «церковь» будет добиваться автокефалии.

Но и законопроекты о правовом статусе Православной Церкви в России, которые самозабвенно разрабатывали либеральные православные профессора и воодушевленно принимал Поместный Собор, оказались ничего не значащими бумажками. Сразу после Октябрьского переворота, когда под Петроградом большевики вели бои с казаками Краснова, в Царском Селе протоиерей Иоанн Кочуров устроил Крестный Ход с молитвами о прекращении междоусобной брани. Красногвардейцы жестоко избили и расстреляли его. В январе 1918 года по приказу наркома общественного призрения Александры Коллонтай вооруженный отряд пытался захватить Александро-Невскую лавру. При этом был смертельно ранен протоиерей Петр Скипетров, вышедший увещевать насильников.

19 января, в свой день рождения, Патриарх Тихон предал анафеме «безумцев», которые «гонения воздвигли на истину Христову», сеют семена «ненависти и братоубийственной брани». Собор одобрил этот документ, принял воззвание к православным объединяться для защиты святынь. Но 23 января последовал новый удар. Ленинское правительство опубликовало собственный закон о «правовом статусе» – «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви». Провозглашалась «свобода совести», запрещались «преимущества и привилегии» каких-либо вероисповеданий. Религиозные общества вообще лишались юридического лица, их имущество признавалось «народным достоянием». Христианское воспитание детей возбранялось. Впрочем, разве не адекватным воздаянием это выглядело? Права Церкви, ее имущество и богатства даровали и обеспечивали Русские Цари. Но ведь она сама предала Царя, отвергла собственного защитника!

Собор пробовал протестовать против ленинского декрета. Принял постановление и обращение к православным людям. Отмечал, что под видом свободы совести осуществляется «пол-

ное насилие над совестью верующих». Однако новая власть не обратила внимания на такие протесты. Продолжались эксцессы вокруг храмов и монастырей, убийства священнослужителей. Митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) имел в Церкви очень высокий авторитет, ранее он возглавлял кафедры в Москве и Петрограде. Причем до революции он числился среди оппозиционных, «прогрессивных» архиереев. 4 марта именно он вынес из Синода кресло Царя. Но теперь он в полной мере столкнулся с плодами переворота. В Киеве бушевали «автокефальники», захватывая храмы. А монахи заразились «революционным духом», начали создавать свои советы и «самоуправляемые коммуны». Когда Киев заняли большевики, эти монахи нажаловались красногвардейцам на «контрреволюцию» митрополита (то есть его усилия удержать порядок). Он был зверски умиротворен.

В Неделю Торжества Православия в 1918 году Русская Церковь в последний раз отслужила традиционный чин провозглашения анафемы на врагов христианства. Но он уже был исправлен. Церковное проклятие изменникам Престолу и Отечеству из этого чина удалили. Вместо этого Поместный Собор предал анафеме «восстающих на святые храмы и обители, посягающих на церковное достояние, поношающих и убивающих священников Господних и служителей веры». А 5 (18) апреля было принято постановление, вводившее в церковный календарь новую дату, «ежегодное молитвенное поминовение... всех усопших в нынешнюю годину гонений Исповедников и Мучеников». На тот момент их в списках Синода значилось 17. Приняв также Приходской устав, вторая сессия Собора завершилась.

Третья открылась 19 июня (2 июля). Планировали обсудить вопросы о монастырях, о механизмах деятельности органов церковного управления. Но реалии российской катастрофы опять все ломали. Поступило известие о цареубийстве. И оказалось, что революционные настроения на Соборе еще не угасли, хотя число их сторонников заметно поубавилось. Даже вопрос, служить ли панихиду по убиенному Государю (о гибели Семьи еще не знали), решался голосованием! Но из 143 присутствующих против высказались лишь 28, а 3 воздержались. Панихиду Патриарх Тихон все-таки отслужил.

Надо сказать, что советская власть отнюдь не препятствовала работе Собора. Нет, она просто игнорировала Собор как пустое место. Случаев вандализма в храмах и монастырях, погибших священников и монахов, становилось все больше. Один за другим погибали и видные архиереи. Были убиты члены Поместного Собора епископ Балахнинский Лаврентий (Князев), епископ Верненский и Семиреченский Пимен (Белоликов). Собор опять пробовал заявить о себе. Для расследования убийства архиепископа Андроника Пермского направил комиссию – епископа Василия Черниговского (Богоявленского), архимандрита Матфея (Померанцева), мирянина Алексея Зверева. Но комиссия из Перми не вернулась, большевики всех уничтожили.

А в сентябре 1918 года развернулась уже официальная кампания «красного террора». И снова под расстрелы пошли делегаты Собора – епископы Ефрем Селенгинский (Кузнецов), Макарий Вяземский (Гневушев), протоиерей Иоанн Восторгов. Вот так, среди ужасов и крови, Поместный Собор завершил работу. Он заседал больше года, и за это время вся Россия изменилась до неузнаваемости. Но ведь и Собор изменился. Созывался он как вполне «революционный» орган, одурманенный химерами «свобод», откровенно нацеливался на либеральные реформы Православия.

Однако Сам Господь взялся вразумлять Церковь. Наставлять очень сурово, но ради ее же спасения. При посыпавшихся ударах и политических катаклизмах кто-то из делегатов Собора отпадал, подавался или в другие страны, или к белым, к германским, британским, чешским интервентам – подальше от Москвы. Кто-то переосмысливал свою позицию, начинал смотреть на революционные процессы совсем иными глазами. Некоторым священнослужителям Господь позволял искупить отступничество и измену, заслужить венцы Мучеников. На веду-

щую роль стало выдвигаться консервативное, умеренное крыло духовенства. Оно видело свою задачу уже не в реформах, а в сбережении Православия среди чудовищных бурь.

Воля Господня в полной мере проявилась и в выборе Патриарха. Напомним, при голосовании из трех основных кандидатов Святитель Тихон набрал наименьшее число голосов. Но архиепископ Антоний (Храповицкий), лидировавший в списке, впоследствии откровенно признавал: если бы Патриархом стал он, то погубил бы Церковь. Святитель Тихон по характеру был иным, гораздо более мягким. Он не вступил в открытый конфликт с безбожной властью, даже шел с ней на компромиссы. Но Церковь он сберег.

Глава 2

Церковный погром и ереси

Своей ненависти к Православию большевики нисколько не скрывали. В августе 1918 года председатель Реввоенсовета республики Троцкий впервые выехал на фронт лично командовать войсками. Свой штаб он расположил в Свияжске, и здесь в полной мере проявил собственное отношение к Церкви. Был схвачен и доставлен ко Льву Давидовичу престарелый епископ Амвросий (Гудко), доживавший век в Свияжском монастыре, потом келейник владыки нашел в поле его тело, исколотое штыками. По приказам Троцкого был казнен и епископ Балахнинский Лаврентий (Князев), расстреляны все монахи и послушники Зилантова монастыря [58].

А на следующий год здесь же, в Свияжске, по личному распоряжению Льва Давидовича был поставлен памятник... Иуде Искарриоту. Эту церемонию описал датчанин Хенниг Кехлер, путешествовавший по России и попавший на торжества. Для провинциального волжского городка событие было чрезвычайным. Собралось все население. Начальство произносило речи, гремела музыка, промаршировали парадом два полка Красной армии. В толпе не все понимали смысл происходящего, «многие истово крестились» – как привыкли на праздники. В книге «Красный сад», изданной в Берлине в 1921 году, Кехлер рассказывал: «Наконец, покров упал, раскрыв буро-красную фигуру нагого человека, больше натуральной величины, с искаженным гримасой ненависти лицом, обращенным в небо». Иуда «был изображен срывающим петлю со своей шеи», грозил небу кулаком. «Это был самый откровенный, самый выразительный монумент Советской власти».

Справка: кто есть кто?

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович. Из семьи богатого зерноторговца. Племянник крупных банкиров и масонов Животовских, через них стал членом мировой банковской «семьи». Ученик видного социал-демократа Парвуса (Гельфанда), через него сошелся с орденным иллюминатом. По данным русской контрразведки Троцкий сотрудничал с австрийской политической полицией и военной разведкой. В Первую мировую войну издавал пораженческую газету в Париже. По требованию России был арестован, но вместо экстрадиции выслан в США. Близко знал Сиднея Рейли (который представлял в Америке фирму его дяди Животовского). В рамках операции «Управление итормом» Троцкий был завербован резидентом британской разведки МИ-1с в США Вайсманом. В Советском правительстве стал второй по значимости фигурой и главным проводником англо-американского влияния [136].

По России прокатилась и кампания «разоблачительных» вскрытий Святых Мощей – якобы для того, чтобы продемонстрировать их «тленность». 11 апреля 1919 года были публично вскрыты Мощи святого преподобного Сергия Радонежского. Этот кощунственный акт снимался на киноплёнку, а непосредственное руководство осуществлял секретарь Московского комитета партии Загорский, тот самый, чье имя потом носил Сергиев Посад. Он писал: «По указанию В.И. Ленина как можно быстрее сделать фильм о вскрытии мощей Сергия Радонежского и показать его по всей Москве». Получился ли фильм, заказанный Лениным и Загорским? Почему-то не сохранилось ни одного свидетельства о его показах. А сам Загорский после этого прожил очень недолго, погиб в Леонтьевском переулке от взрыва бомбы, брошенной в окно анархистами. За всю гражданскую войну больше не было ни одного случая, чтобы анархисты кидали бомбы в учреждения большевиков...

Священники в первую очередь попадали под притеснения как «буржуи», на всевозможные принудительные работы. В первую очередь они попадали и под волны «красного террора»,

под зачистки городов, сел, станиц, взятых красными войсками. В 1920 году, устанавливая советскую власть на Кубани, Троцкий приказал превратить здешние монастыри в «коммуны». Монахов содержали под замком, под конвоем гоняли на работы, запрещали молиться, кормили вместе со скотом похлебкой из свеклы и брюквы. В Екатерино-Лебяженской пустыни, когда от истощения умер настоятель, 120 иноков попытались протестовать – их заперли в храме и взорвали.

И все же святотатцам приходилось сдерживать свои порывы. То наступали белые, и нельзя было слишком откровенно раздражать рабочих и крестьян. То полыхали крестьянские восстания, и не следовало подливать масла в огонь. Но Православная Церковь оставалась последним оплотом русской духовности, народной морали и традиций. Последним, что оставалось от исторической России! В 1921–1922 годах советское руководство сочло, что наконец-то настал момент полностью разгромить Церковь. Поволжье, южные области и целый ряд других регионов охватил страшный голод, во многом вызванный политикой самих большевиков, «военным коммунизмом». Продовольствие выгребалось у крестьян подчистую, запасов у них не оставалось. Когда случилась засуха, неурожай, это вылилось в бедствие, вымирали миллионы людей.

Катастрофа подорвала силы крестьянства, массовое сопротивление исключалось. Но голод давал и удобный повод нанести удар – а при этом ограбить Церковь, якобы для «спасения голодающих». Таким образом, возник шанс не только избежать народного возмущения, но и сделать часть населения своими союзниками. Правда, и сама Церковь активно занялась спасением людей, собирала пожертвования. Невзирая на «отделение от государства», Патриарх Тихон даже добился официального разрешения создать в августе 1921 года всецерковный комитет «В помощь голодающим», благословил передать в его фонд церковные кассы. Но вскоре после учреждения этого комитета правительство... реквизировало у него все средства. Нет, большевикам не требовалась «хорошая» Церковь, помогающая страждущим. Требовалась легенда о «жадных попах», цепляющихся за свои «богатства», когда умирают люди.

Погромная кампания планировалась заранее. Осенью 1921 года в Россию приехали американские предприниматели братья Хаммеры, личные друзья Троцкого. Наркомат торговли заключил с ними соглашение, что они поставляют зерно в обмен на различные товары, в числе которых фигурировали «художественные и церковные ценности». В декабре 1921 года правительство издало два декрета по имуществу монастырей. Первым это имущество предписывалось разделить на бытовое и «художественные ценности». Вторым декретом «художественные ценности» требовалось сдать государству. 23 февраля 1922 года последовал третий декрет. Из храмов подлежало изъять все, что «существенно не влияет на культ». Патриарх пробовал возразить, что насильственное изъятие он благословить не может.

Именно это и требовалось! Церковь против! Между прочим, заблаговременно были заказаны в Финляндии даже плакаты (на 6 млн. рублей): жирный раскормленный священник – и голодный крестьянин. А Красин по поручению Ленина в это время уже вел переговоры о продаже ценностей за рубежом. 10 марта 1922 года он доложил Владимиру Ильичу, что нашел оптовый канал сбыта через германского банкира Макса Варбурга (старого «друга» большевиков, занимавшегося финансированием революции). Троцкий поддержал Красина, считая, что вывоз на сумму меньше 23 млн. рублей золотом не имеет смысла. 11 марта на заседании Политбюро Ленин поднял вопрос о распределении выручки – указал, что часть средств от продажи церковных ценностей, 25–30 млн., надо будет отчислить на нужды Реввоенсовета, то есть Троцкому. Да, Троцкому, а вовсе не голодающим.

Дело в том, что золото и валюта в Советской России имелись! Но расходовались они не на спасение вымирающих губерний, а на цели, считавшиеся более важными. В ноябре голодного 1921 года компартии Германии было выделено 5 млн. марок. В это же время 2 млн. рублей золотом было отправлено в Турцию для Кемаля-паши. За границей заказали обмундирование

и «секретный гардероб» для чекистов на 1,850 млн. золотых рублей [19]. В марте 1922 года, когда началось изъятие церковных ценностей, по бюджету Коминтерна было распределено 5 536 400 золотых рублей. Но этого оказалось мало. В апреле, в дополнение к данному бюджету, было выделено 600 тыс. рублей на революцию в Корее, позже – 48 тыс. рублей компартиям прибалтийских стран.

Главная цель кампании была богоборческая. Разгромить саму Церковь как таковую. Вооруженные отряды врываются в храмы, устраивали обыски, попутно ломали утварь, иконы. 15 марта в Шуе были спровоцированы столкновения с верующими, при попытке защитить городской собор 4 прихожанина были убиты, 9 ранены. Предлог для удара был налицо – «контрреволюционный мятеж»! Через несколько дней Троцкий представил в Политбюро разработанный им план (он был зарегистрирован как приложение к протоколу № 114 п. 6 заседания Политбюро от 20 марта). Предусматривалось создание официальной комиссии по изъятию ценностей под руководством Калинина. Но под ее прикрытием будет действовать другая комиссия, секретная – во главе с самим Троцким.

Причем намечалось не только грабить, но и «внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия». Для остальных священнослужителей готовились репрессии. Но, по плану Троцкого, с ними следовало чуть-чуть подождать. Предлагалось «видных попов по возможности не трогать до конца кампании... но официально (под расписку через Губполитотделы) предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они ответят первыми» [109]. Ленин горячо поддержал Льва Давидовича. 19 марта, во время XI съезда партии, он обратился к членам Политбюро с письмом по поводу событий в Шуе и политики в отношении Церкви.

«Строго секретно. Официально выступить с какими то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин – никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни явным образом перед публикой тов. Троцкий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать. Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить здесь же, на Съезде, т. е. на секретном его заседании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина без всякой публикации об этой комиссии». Делался вывод: «крестьянские массы будут либо сочувствовать, либо окажутся не в состоянии поддержать духовенство», поэтому «сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью» [65, 66].

22 марта, ознакомившись с указаниями Ленина, Троцкий направил в Политбюро еще одно письмо. В нем указывалось: «Арест Синода и Патриарха признать необходимым, но не сейчас, а примерно через 10–15 дней». А при этом давалась команда начать атаку: «Приступить к изъятию по всей стране, совершенно не занимаясь церквями, не имеющими сколько-нибудь значительных ценностей». Начались общие погромы, ограбление святынь. И, опять же, явно просматривалась богоборческая цель. Известно, что спецотряды Троцкого грабили не только священные сосуды, ценные иконы, оклады, снимали колокола, они искали в храмах антиминсы. (Это главная святыня каждого храма, особый плат, в который зашивается частица Святых Мощей того или иного Мученика. На него ставится чаша со Святыми Дарами, когда происходит таинство пресуществления – хлеба и вина в Плоть и Кровь Христовы. Без антиминса невозможно служить Божественную Литургию, невозможно Святое Причастие).

Церкви закрывались, монастыри превращались в «совхозы». В одной лишь Москве за 7 месяцев было закрыто 60 храмов и 3 монастыря. Без противодействия не обошлось. Только по официальным советским данным зафиксировано 1,5 тыс. столкновений с верующими. Но эти выступления были разрозненными, заслоны безоружных прихожан косили и разгоняли

пулями. Зато они давали повод для широких репрессий. В мае был взят под стражу Патриарх Тихон.

К гонениям на него приложила руку даже жена Троцкого Наталья Седова. 27 мая 1922 года она направила письмо в ОГПУ: «Главмузей просит Вас сделать срочное распоряжение о скорейшем переводе в какое-либо иное помещение бывшего Патриарха Тихона, вселенного без ... согласия Главмузея в бывший Донской монастырь в комнату вахтера. Главмузей считает необходимым, чтобы бывший Патриарх Тихон был совершенно удален из бывшего Донского монастыря, так как присутствие его в стенах этого монастыря лишает возможности продолжать экскурсионную работу. Заведующая Главмузеем Н. Троцкая». В 1922 году никакой экскурсионной работы в монастыре не было. Жена Льва Давидовича просто воспользовалась случаем лично укусить Патриарха. Причем подписалась не фамилией «Седова», как делала обычно – единственный раз подписалась: Н.Троцкая. Попробуй-ка послушайся! Кстати, обратите внимание, что Церковь она считает уже упраздненной, Патриарха называет «бывший».

Что ж, Седова имела все основания для подобной самоуверенности. Одновременно с силовым разгромом ее муж возглавил и другие операции – по расколу Церкви. Для этого сделали ставку на «демократических» священников, которые еще с 1917 года настаивали на реформах по протестантским образцам. Теперь обновленцы провозгласили создание «Живой церкви», благословляли революцию, отрекались от «реакционного» духовенства, каялись, что были связаны с «царизмом», с «эксплуататорами» [82]. Троцкий активно поддержал их, поучал, что надо сделать свою, «карманную церковь».

Секретной почто-телеграммой от 14 мая 1922 года он выражал крайнее неудовольствие, что советская пресса не уделяет внимания этой группировке священников. Требовал всячески пропагандировать их. Указывал, что «внутренняя борьба церкви... разрыхлит почву для семян атеизма и материализма». Обновленцам предоставили возможности публиковаться в массовой партийной печати. Даже устроили публичную дискуссию между одним из их лидеров, Александром Введенским, и наркомом просвещения Луначарским. Еретикам выделяли средства для издания воззваний и прокламаций, отдавали многие церкви. В помощь им были нацелены некоторые подразделения ОГПУ. Работать по доносам «живоцерковников», расчищать для них почву.

Еще одна группировка раскольников сохранялась на Украине, «автокефальная церковь». Те же обновленцы, но еще и националисты. В январе 1919 года, когда в Киеве правила Директория Винниченко и Петлюры, она приняла закон об «автокефалии» своей церкви, поручила своему послу в Турции Лотоцкому провести переговоры с Константинопольской Патриархией об официальной выдаче томоса (грамоты) на автокефалию. Но в это время там умер Патриарх Герман, да и вообще обстановка была совершенно неподходящей для переговоров. Турция проиграла мировую войну, в Константинополе и других городах высаживались оккупационные войска Антанты, турецкие власти искали, как подстроиться к союзному командованию. Словом, было не до украинских священников.

Но и в Киеве власть то и дело менялась, уже через месяц Петлюру выгнали красные. А в мае 1920 года петлюровцы вернулись вместе с поляками. Созвали Всеукраинскую православную раду, и она торжественно провозгласила автокефалию. А всех епископов и священников Московской Патриархии объявила «врагами украинского народа» [13, с. 121–136]. Правда, поляков и их холуев через месяц снова вышибли. Казалось бы, Украинская автокефальная церковь (УАПЦ) была тесно связана с противниками красных. Но... советские органы власти ее неожиданно поддержали, позволили ей захватить Софийский собор в Киеве, ряд других храмов [41].

Всех раскольников большевики манили пряниками и ласкали. Напомним, Ленин с Троцким одобрили еще и выдвижение в качестве «альтернативного патриарха» расстриги и британского агента Илиодора (Труфанова). Но на тех, кто оставался верен Православию, обрушились

кары. Главным обличителем обновленцев выступал митрополит Петроградский Вениамин (Казанский). На него навесили клеветнические политические обвинения, арестовали (а вместе с ним еще 86 человек). Было разыграно показательное судилище. Владыка и 9 его товарищей были приговорены к смерти. Шестерым заменили на заключение, а Святитель Вениамин, архимандрит Сергей (Шенин), адвокат Иван Ковшаров и профессор Юрий Новицкий были казнены.

Такие же громкие процессы над «контрреволюционными попами» прошли в Москве, Чернигове, Полтаве, Смоленске, Архангельске, Новочеркасске, Витебске. В 1922 году только по суду было расстреляно священников – 2691, монахов – 1962, монахинь и послушниц – 3447 [41, 73]. А если добавить убийства без суда, уничтожение в лагерях, то было истреблено не менее 15 тыс. представителей духовенства, монашества и верующих мирян, привлеченных по «церковным делам». Таким образом, указание Ленина расстрелять чем больше, тем лучше, воплощалось в жизнь.

И эти потоки крови перемешивались и пересекались с потоками золота! Троцкий был назначен председателем Особой комиссии по учету и сбору церковных ценностей [109]. Одним из непосредственных исполнителей операции являлся начальник личного поезда Троцкого Каузов. Имея на руках мандаты, подписанные его всемогущим шефом, он разъезжал по стране и свозил награбленное в Москву. Перевалочным пунктом стал Храм Христа Спасителя. Здесь работали ведущие ювелиры, занимались оценкой. Но не в качестве художественных произведений, а взвешиванием, разделкой награбленного – вынимали из риз и окладов драгоценные камни, остальное шло как золотой и серебряный «лом».

Баснословные сокровища вывозили и сбывали за границу за «копейки» даже по сравнению с подлинной рыночной стоимостью (не говоря уж о духовной ценности). Между прочим, стоит обратить внимание на совпадение – в апреле 1922 года прошла Генуэзская конференция, обеспечившая международное признание правительства большевиков и официально открывшая торговое и экономическое сотрудничество с ними. Первыми товарами, которые потекли в западные страны, как раз и стали церковные ценности. Но за рубеж повезли не только золото и драгоценности. Широким потоком на чужеземные рынки выплеснулись древние иконы, произведения искусства, музейные экспонаты.

Это было «семейное дело». Жена Троцкого, Наталья Седова, возглавляла в наркомате просвещения главный отдел музеев. А она была дипломированным искусствоведом, окончила Сорбонну, настоящие ценности отличать умела. Сестра Троцкого Ольга была замужем за членом Политбюро Каменевым. Специально для нее был создан международный отдел в Комитете помощи голодающим. Она занималась продвижением ценностей на запад. Потом она возглавила Международный отдел ВЦИК – и занималась тем же, устраивала за границей выставки с распродажами (от американских «благотворителей» она получила в подарок 4 автомашины, 2 «роллс-ройса» и 2 «кадилака», это в голодные и холодные 1923–1924 годы).

В бизнесе участвовали и другие родственники и друзья семьи – дядя Троцкого Абрам Животовский, шведский банкир Олаф Ашберг, Сидней Рейли. А Троцкий, в дополнение к остальным своим постам, был назначен руководить работой «по реализации ценностей Гохрана» [109]. Возглавил Гохран... царевый Юровский. А как происходила «реализация», описывает в своих мемуарах «Бурные годы» американский банкир Исаак Ф. Маркоссон, который вел переговоры с Советским правительством о предоставлении большого займа. В качестве обеспечения ему не только предложили царские драгоценности и регалии, но даже дали примерить корону Российской Империи. Видный искусствовед и реставратор Савва Васильевич Ямщиков рассказывал и о том, как Олаф Ашберг занялся скупкой и коллекционированием русских старинных икон: «Покупались некоторые иконы за копейки, написано XV век – 75 рублей. XVI век – 175 рублей... В Архангельске из церквей вынимались иконостасы, устраи-

вались экспедиции по выявлению икон» – впоследствии банкир подарил эту коллекцию Стокгольмскому музею.

Православную Церковь уничтожали, грабили, распродавали ее достояние. А «живоцерковники» торжествовали. Они не гнушались и прямой ложью. Летом 1922 года навестили Патриарха Тихона, находившегося под арестом, обманом уговорили его подписать назначение «Временного церковного управления» – как бы заботясь о всей Церкви, оставшейся без руководства. Но принялись вовсю распоряжаться от лица Патриархии и Синода. Под эгиду «Временного церковного управления» перешло немало архиереев, священников. Одни поверили, что обновленцы приспосабливаются к новой власти преднамеренно, ради спасения Церкви. Другие просто испугались репрессий. Но в апреле-мае 1923 года еретики провели свой «собор». Точно по «предсказанию» жены Троцкого они приняли постановление о низложении Патриарха Тихона и лишении его священнического сана. Принялись менять уставы Церкви, реформировать порядок богослужения. Ввели разрешение ставить женатых епископов, а священникам вступать во второй брак [82]. Заодно этот «собор» признал и автокефалию Украинской церкви.

Но подобные решения у большинства верующих вызвали взрыв негодования. Многие епископы и священники, соблазнившиеся или примкнувшие к обновленцам по заблуждению, стали отделяться от них. Среди таких архиереев был митрополит Сергей (Страгородский), разорвавший общение с «живоцерковниками» вместе со всей Владимирской епархией, которую он возглавлял.

А Патриарх Тихон решений лжесобора не признал и решил бороться с ересью. Однако для того, чтобы получить возможность для активных и самостоятельных действий, он был вынужден пойти на уступку большевикам. Патриарх подписал «покаянное письмо», что не является врагом советской власти. Он говорил: «Пусть погибнет мое имя в истории, только бы церкви была польза». Такой ценой Патриарх сумел выйти из заключения, восстановить каноническое управление Церковью. И смог открыто обличать живоцерковников.

Он вел службы в разных храмах Москвы, и, несмотря на противодействие властей, всюду его встречали массы верующих. Стекалось столько прихожан, что храмы не могли вместить желающих. На эти службы приходили и священники, вернувшиеся от раскола, приносили свое покаяние. Митрополит Сергей (Страгородский) каялся публично, в Донском монастыре. Ну а в результате Русская Церковь разделилась на две: патриаршую, гораздо более многочисленную, и «обновленческую», где верховодил свой Синод – Виталий и Александр Введенские, Евдоким Мещерский, Вениамин Муратовский. Но государственная власть продолжала поддерживать именно их.

Арестовывать Патриарха большевики больше не решались из-за его огромной популярности. Но перенапряжение сил и труды подорвали его здоровье. Он стал часто болеть, и в январе 1925 года вынужден был лечь в больницу. К весне начал было поправляться, снова выезжать на службы, однако 25 марта (7 апреля), в праздник Благовещения, внезапно почувствовал себя хуже. Подозревают, что он был отравлен. Поздно вечером в больничной палате Патриарх спросил: «Который час?». Один из присутствующих ответил: «Без четверти двенадцать». Святитель Тихон вздохнул: «Скоро наступит ночь, темная и длинная...». Поднял руку, дважды осенил себя крестным знаменем. А когда хотел перекреститься в третий раз, рука упала... Созвать Собор и избрать нового Патриарха власти не позволили.

Глава 3

Расколы и Константинополь

Размежевания в Русской Церкви начались не только по догматическим и каноническим принципам, но и по территориальным, политическим. Ведь в период революции и гражданской войны оказались утрачены многие области, принадлежавшие Российской Империи. Независимыми стали Финляндия, Эстония, Латвия, Литва – а в каждой из этих республик существовали православные епархии. Бессарабию оккупировала Румыния. Раньше России принадлежала и часть Польши. Теперь Польша возродилась. А по условиям Рижского мира с большевиками к ней отошли Западная Украина и Западная Белоруссия, она захватила и часть Литвы с Вильнюсом. В результате в Польше сохранились и прежние православные структуры, но добавились еще епархии обновленцев из Украинской автокефальной церкви.

Но приходы Русской Православной Церкви существовали и во многих европейских странах, в Палестине, в Китае (Харбин был русским городом, по линии КВЖД, да и в других местах Маньчжурии издавна проживало много русских). В Америке еще в XVIII веке монахи Валаамского монастыря основали Русскую православную миссию, возникла Алеутская епархия, позже ее центр переместился в Нью-Йорк. Но теперь фактическая связь с зарубежными структурами РПЦ прервалась – Московская Патриархия лишилась доступа к международному телеграфу и почте.

А кроме того, за границу выплеснулось 2 млн. русских беженцев. В период гражданской войны Патриарх Тихон не поддержал и не благословил белых, что ставили ему в вину противники большевиков. Хотя в данном случае он был совершенно прав. Во-первых, Патриархия была бы немедленно уничтожена. А во-вторых, правых в гражданской войне не было. Подрывные операции западных держав и финансово-политической «мировой закулисы» целенаправленно раскололи русский народ и столкнули людей между собой брат на брата ради взаимного уничтожения [137]. На белой стороне оказались вовсе не монархисты, а «февралисты», либералы, «учредилорцы», слепо ориентирующиеся на тот же Запад, и даже их гипотетическая победа ничего хорошего России не принесла бы. Позиция Патриарха была очень мудрой и взвешенной, он призывал к прекращению братоубийства как такового.

Но при белых региональных правительствах возникли свои церковные структуры. Самая крупная – на Юге, где под защитой армий Деникина и Врангеля собрались многие архиереи. У них имелись связи с белой Сибирью, и в мае 1919 года они создали Временное Высшее Церковное Управление Юго-Востока России (ВВЦУ), предназначенное окормлять территории, оказавшиеся за линией фронта. Патриарх Тихон и Священный Синод постановлением № 362 от 7 (20) ноября 1920 года признали этот орган легитимным. ВВЦУ приняло решение считать в своем подчинении все структуры Русской Церкви за границей – временно, пока Патриархия не сможет наладить управление ими. Ведь с территорий, контролируемых белыми, связь с другими государствами была возможной, в отличие от Москвы. Управлять Церковью в Западной Европе был направлен архиепископ Евлогий (Георгиевский). Когда в Патриархии узнали об этом назначении, его тоже утвердили.

Но в ноябре 1920 года вместе с остатками армии Врангеля и крымскими беженцами ВВЦУ пришлось эвакуироваться на чужбину. Оно было преобразовано в Высшее русское церковное управление за границей (ВРЦУЗ). Его пригласил к себе Сербский Патриарх Димитрий (Павлович), уступил русским архиереям собственную резиденцию в Сремски Карловцах. Лидером изгнанников выдвинулся бывший кандидат в Патриархи митрополит Антоний (Храповицкий). Он послал рапорт Святителю Тихону, просил благословения превратить ВРЦУЗ

в постоянный орган во главе с патриаршим наместником, передать под его юрисдикцию все зарубежные епархии и приходы РПЦ, созвать общее собрание архиереев.

В Патриархии введение поста наместника сочли нецелесообразным – было ясно, что на эту должность метит сам честолюбивый Антоний, и его может понести еще дальше. Созыв совещания «приняли к сведению». А для ВРЦУЗ подтвердили «прежние полномочия» – из сферы его управления были только исключены только Прибалтика и Польша, поскольку с ними Московская Патриархия могла поддерживать прямые связи.

В ноябре 1921 года в Сремских Карловцах состоялось Всеаграничное церковное собрание. Но оно сразу же и очень резко ударило не в духовные сферы, а в политику. Приняло заявления о восстановлении на престоле «законного Православного Царя из Дома Романовых», призывы к мировым державам не допускать большевиков на Генуэзскую конференцию и оказать прямую военную помощь для свержения Советской власти. Именем Патриарха откровенно спекулировали. Было объявлено, что собрание признает над собой его полную власть, все постановления начинались словами «по благословению Святейшего Патриарха Тихона», хотя на самом-то деле никакого благословения не было, тексты с ним никто не согласовывал. Само собрание переименовало себя в «собор», а митрополита Антония возвел в ранг «заместителя Патриарха».

Подобные демарши были чреваты очень опасными последствиями – ведь в это же время разворачивался погром Церкви в России, ее врагам преподносили новые поводы для гонений. Правда, не все архиереи поддержали линию Карловацкого Собора, 34 делегата выступили против. Причем из разных соображений. Например, архиепископ Евлогий (Георгиевский) был убежденным либералом и воззвания к возрождению монархии отверг. А епископ Севастопольский Вениамин (Федченко) был духовником армии Врангеля, честнейшим человеком, глубочайшим патриотом. Но твердо указал, что церковный собор не имеет права принимать документы чисто политического содержания.

Патриарх Тихон успел отреагировать на это мероприятие накануне своего ареста. 5 мая 1922 года созвал Синод, Высший церковный совет, и было вынесено постановление: Карловацкий Собор признавался не имеющим канонического значения, а его послания – не выражающими «официального голоса Русской Православной Церкви». Указывалось, что аграничное Церковное управление «увлекается в область политического выступления». Также отмечалось, что управление аграничными приходами уже ранее было поручено Евлогию (Георгиевскому) – он возводился в сан митрополита. А ВРЦУЗ предписывалось распустить.

Безоговорочно подчинился только один епископ Вениамин (Федченко). Вышел из Церковного управления и удалился в монастырь. А остальные архиереи нашли отговорку – дескать, указ Патриарха наверняка написан под давлением большевиков. Поэтому его выполнили, но лишь формально, поменяв вывеску. ВРЦУЗ распустили, а вместо него создали Архиерейский синод Русской Православной Церкви Агранией во главе с Антонием (Храповицким). Были приняты и «секретные постановления»: впредь не принимать указов Патриарха, если они «покажутся несвободными». Фактически аграничники отделились от Московской Патриархии, возникла вторая Церковь – РПЦЗ.

Но и в ней образовались внутренние трещины. Теперь митрополит Евлогий (Георгиевский) получил официальные полномочия возглавлять Церковь в Западной Европе, но он и с Карловацкими архиереями не порвал, остался членом Синода РПЦЗ. И при этом Евлогий еще и почувствовал полную бесконтрольность, дал волю собственным либеральным взглядам и новшествам. А он давным-давно был сторонником сближения с англиканской церковью, возобновил переговоры с ней, даже о перспективе объединения. Для молодежи он смягчал церковные правила, чтобы, как он говорил, «не спугнуть молодые души». Одним это нравилось, другие возмущались, прихожане стали делиться на сторонников Евлогия и Антония (Храповицкого).

А с другой стороны, и «монархизм» РПЦЗ оказался сомнительного качества. Речь шла вовсе не о возрождении Самодержавия, зарубежное духовенство выступало сугубо за «цивилизованную», конституционную монархию. Но поделилось персонально на сторонников великого князя Николая Николаевича (одного из руководителей заговора против Царя) и сторонников Кирилла Владимировича (лишенного Николаем II прав наследования из-за морганатического брака, а в дни Февральской революции открыто предавшего Царя).

Вдобавок ко всему, нашлись и хищники, готовые воспользоваться крушением Российской Империи и процессами распада в Русской Церкви. Первой поживилась Румынская Церковь – в полном соответствии с политикой своего правительства. Когда Бессарабия была захвачена румынскими войсками, там со священниками и прихожанами никто не церемонился, их мнений не спрашивали. Была учреждена Бессарабская митрополия Румынской Церкви, которой и передали все православные храмы, монастыри.

А следом заявила о себе Константинопольская Патриархия. Совсем недавно ее Патриархов утверждали турецкие султаны, а за милостыней она обращалась в Россию. Но сейчас Москва утратила роль мирового центра Православия, Третьего Рима. И Османская империя тоже пала, Турцию оккупировали французские и греческие контингенты. В Константинополе главную роль играло не марионеточное турецкое правительство, а французские генералы. И здешняя Патриархия стала строить проекты, что в подобных условиях она может вернуть себе положение «Второго Рима»! Перехватить у Москвы первенство в православном мире.

Автором этой политики стал Патриарх Мелетий IV. Личность весьма темная. Он был секретарем Синода Иерусалимской Патриархии, но патриарх Дамиан выгнал его с формулировкой «за деятельность против Святого Гроба». Мелетий отправился на Кипр, в то время оккупированный британцами. Как сообщает историк Александр Зервудакис, служивший в министерстве обороны Великобритании, архимандрит Мелетий на Кипре вступил в английскую масонскую ложу [5]. Это способствовало успешной карьере. Он переехал в Грецию. При поддержке главы правительства Венизелоса (масона) стал архиепископом Афинским. Потом отправился в США, где организовал «Греческую архиепископию». И каким-то очень загадочным образом, заочно, был избран в 1921 году Константинопольским Патриархом. Прибыл из Америки театрально, на корабле под византийским флагом!

В марте 1922 года Мелетий издал томос о праве своей Патриархии на «непосредственный надзор и управление всеми без исключения православными приходами, находящимися вне пределов поместных Православных Церквей, в Европе, Америке и других местах». Титуловать себя стал не иначе как Вселенским Патриархом. Но одновременно Мелетий стоял у истоков экуменического движения. Считал возможным и нужным слияние разных христианских конфессий, чтобы в перспективе образовалась некая единая, универсальная «церковь». Он считал, что до сих пор этому мешала Россия, но, как говорил Мелетий, «положение Православной церкви в России сейчас изменилось, и есть более благоприятные перспективы для сближения с Западом». Мелетий повел переговоры об объединении с англиканами, с армянской, коптской, эфиопской церквями, даже признал силу англиканских хиротоний – то есть духовную законность их епископов.

Но юрисдикция самой Константинопольской Патриархии оставалась слишком узкой, и Мелетий стал присматриваться, как бы расширить зону влияния в мировом христианстве. Для этого он попытался подмять под себя РПЦЗ. Ведь армия Врангеля и беженцы из Крыма сперва очутились в Турции, их разместили в лагерях в Галлиполи и на нескольких островах. Архиереи и священники, чтобы вести службы, вынуждены были попроситься под временную юрисдикцию Константинопольской Патриархии, на чьей территории они находились. Такое разрешение им дали. Потом они получили пристанище у Сербского Патриарха и перешли под его юрисдикцию, но в Фанаре (квартал в Константинополе, где расположена Патриархия) этот переход не признали. Продолжали числить РПЦЗ среди «своих» церквей.

А в 1922 году националистические власти в Эстонии пожелали, чтобы в их республике даже Православная Церковь отделилась от Москвы. Таллинский епископ Александр (Паулус) воспользовался церковным погромом в России, арестом Патриарха Тихона. Провел свой собор и обратился к Мелетию с просьбой о предоставлении автокефалии. Тот охотно откликнулся, взял эстонские приходы под свое начало и произвел Александра (Паулуса) в митрополиты. Аналогичное стремление выразили власти и часть духовенства в Финляндии. Мелетий был счастлив удовлетворить их – и увеличить собственную паству. Чтобы возглавить новую церковь, он рукоположил в епископы такую фигуру, как хотелось финскому руководству (чтобы был не русским) – эстонца Германа Аава. С протестами выступили и Московская Патриархия, и Собор РПЦЗ, но Вселенский Патриарх их проигнорировал. Возникли две новые церкви – Эстонская апостольская и Финляндская, под юрисдикцией Константинополя.

Ну а сам Мелетий выдвинул идею о созыве Вселенского (или Всеправославного) Собора). В качестве первого шага он собрал в мае 1923 года «Всеправославный конгресс» в Константинополе. Но в повестку дня он включил серьезные реформы Православия – решил изменить те устои и правила, которые, по его мнению, служили препятствиями для объединения с англиканской и другими западными конфессиями – в первую очередь календарь и пасхалии. Католическая и протестантские церкви живут и служат по «новому», григорианскому календарю. Православная – по «старому», юлианскому (но ведь и Благодатный огонь в Иерусалиме сходит по «старому стилю»!).

На конгрессе Мелетий схитрил. Название «григорианский» связано с именем римского папы Григория XIII, под началом которого придворные астрологи разработали этот календарь. Поэтому Константинопольский Патриарх предложил как бы не григорианский, а «новоюлианский календарь», созданный сербским астрономом и математиком Милутином Миланковичем (хотя до 2800 года он полностью совпадает с григорианским). Также были приняты положения о разрешении вступать в брак для епископов, а священникам – в повторный брак. Кстати, для Финляндии Мелетий рукоположил епископа Германа Аава вообще без пострижения в монахи, прямо из мирян. Он не носил бороды, ходил бритым и коротко стриженным. В Финляндской церкви он ввел четырехконечный латинский крест вместо русского восьмиконечного, храмы повелел строить по образцу лютеранских кирх, а русскую архитектуру запретил. В общем, реформы внедрялись далеко не православные.

На «Всеправославном конгрессе» присутствовали два русских архиепископа, Александр (Немоловский) и Анастасий (Грибановский). Они оставались в Турции окормлять русскую паству и представлять РПЦЗ при Вселенской Патриархии. Оба выступили резко против новшеств. Но их мнения были отброшены. На них началось давление – требовали на службах помянуть только Константинопольского Патриарха, а не Московского, перейти на новый календарь. В итоге запретили служение и выгнали из Турции. Однако и Мелетий вынужден был уйти. Возмущение выражали и священники, и миряне. Впрочем, имелась еще одна весомая причина. Мелетий был тайно связан с правительством Греции. Для интервенции в Турции командование Антанты использовало в основном греческие войска, и возник проект «панэллинизма» с надеждами, что грекам со временем отдадут и Константинополь, и другие области. И возродится Византия!..

Но турок возглавил Мустафа Кемаль, наголову разгромил греческую армию, развернул наступление на Константинополь. Французы стали укладывать чемоданы, а мечты «панэллинизма» развеялись. В такой обстановке и Мелетий предпочел уйти в отставку и убраться отсюда. Однако покровители его не оставили, через несколько лет он стал Патриархом Александрийским (именовал себя папой и Патриархом Александрийским и всея Африки), продолжая экуменическую и реформаторскую работу. А его преемником в Константинополе стал Григорий VII – из той же «команды».

Он полностью поддерживал и продолжил курс Мелетия. Кроме Финляндии и Эстонии, выдал томос на автокефалию еще и Польской Церкви, перетянув ее из ведения Московской Патриархии под свою власть (а Польская Церковь, напомним, окормляла территорию Западной Украины, Западной Белоруссии, части Литвы). Поддержал обновленцев в России и пытался вмешаться в церковную смуту – было решено отправить в Москву полномочную комиссию, и Константинополь влезет в русские дела, окажется в роли вышестоящего арбитра. Но Святитель Тихон уже успел выйти из заключения и вовремя пресек эти поползновения: отписал Григорию VII, что Русская Церковь его комиссию не примет.

Между тем, РПЦ приходилось ох как худо! Без всякой помощи, без всякой поддержки извне... А большевистское правительство крушило и уродовало страну «революционными» преобразованиями, силилось сломать и переделать психологию народа. Преемственность с прежней Россией перечеркивалась. Наоборот, выпячивалось, что Советское государство – это нечто иное, новое, уже не Россия. Нарком просвещения Луначарский еще в сентябре 1918 года ставил задачи: «Преподавание истории в направлении создания народной гордости, национального чувства и т. д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено» [115]. Потом дошло и до того, что Луначарский решил изменить письменность, готовил переход с кириллицы на латинский алфавит. Даже термины «Отечество», «патриотизм» воспринимались как ругательства и изгонялись из обихода.

Крушилась и вся российская культура. Появились РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и прочие организации, внедрявшие вместо нее уродливый «пролеткульт». Председателем РАППа стал Леопольд Авербах, по воспоминаниям современников, «очень бойкий и нахальный юноша» [12]. Ну еще бы ему не быть нахальным, если он приходился племянником Свердлову, а помогала ему громить русскую культуру сестра, Ида Авербах – супруга заместителя, а потом и начальника ОГПУ Ягоды. Конфликтовать с такими деятелями категорически не рекомендовалось. Устраивались шумные кампании по запрету и исключению из школьных программ произведений «крепостника» Пушкина, «царского офицера» Лермонтова, «мракобеса» Достоевского.

Даже Есенин, написавший кощунственную «Инонию», восторженно приветствовавший революцию, оказывался не ко двору. Сам Бухарин обвинял его в «великорусском шовинизме» – да, ностальгическое воспевание русской деревни, русской природы, приравнивалось к «шовинизму». Русофобия вообще становилась негласной, но непререкаемой установкой. Под началом заведующего отделом Наркомпроса Штернберга ниспровергалось русское изобразительное искусство, еще один заведомо, Мейерхольд, крушил театр, призывая «отречься от России» [37]. Вместо авторов и произведений, признанных ненужными и «реакционными», получали признание новые «классики». Апологет «новой живописи» Малевич, оккультист Коненков, штампуемый глупые агитки Демьян Бедный, теоретики «новой литературы» Шкловский, Брик, Бабель (успевший поработать в жуткой одесской «чрезвычайке»).

Ломались мораль и нравственность. Еще в 1920 году ленинское правительство легализовало аборты. Советская Россия стала первым в мире государством, начавшим сокращать подобным способом собственное население. Пропагандировалось, что это путь к раскрепощению женщины от «животных» функций, к превращению в полноправного строителя коммунизма. Нередко к подобному решению подталкивали женщин их начальники, партийные и комсомольские руководители – дескать, дело важнее, не время из строя выбывать. Аборты становились «естественным выходом» в отвратительных бытовых условиях бараков и коммуналок. А советские больницы широко распахивали двери для всех желающих. Избавиться от ребенка? Пожалуйста! Бесплатно! Медицинская пропаганда разъясняла, что это очень просто, доступно, безопасно. Фактически был легализован и гомосексуализм, революционное законодательство обошло его, не предусматривая ответственности для извращенцев.

Нимфоманка Коллонтай пыталась учить, что отношения между мужчиной и женщиной должны восприниматься как «стакан воды», удовлетворил жажду и пошел дальше. Появилось движение радикальных нудистов, выходивших на улицы в чем мать родила или с лентой, переброшенной через плечо – с надписью «Долой стыд». Правда, такая «революционность» оказалась слишком крутой. Взгляды Коллонтай осудили, нудистов стала забирать милиция. Но понятие семьи свелось к формальности, ведь по Марксу это было временное явление, которое при социализме должно было «отмереть». «Расписаться» можно было чрезвычайно легко. Шли мимо ЗАГСа, местного Совета или другого органа власти, заглянули туда на минутку, и тут же стали мужем и женой. Но и расторгался брак в любой момент, по заявлению хотя бы одного из супругов.

А вместо отвергнутого православия внедрялась государственная псевдорелигия – ленинизм. Вместо икон на стенах повисли портреты коммунистических вождей, вместо богослужений собирались митинги, вместо Священного Писания штудировались работы Ленина и Маркса. В рамках этой псевдорелигии вводились новые праздники, обряды массовых шествий, театрализованных действий, мистерий с чучелами. Вместо крестин изобретались уродливые «октябрины». Наркомпрос разработал инструкции о праздновании «красного Рождества», которое должно было сводиться «к соблюдению древних языческих обычаев и обрядов» [41]. Делались попытки заменить даже христианские имена «революционными» – появились Мараты, Гильотины, Революции, Вилены, Владлены, Марлены и прочие нелепые аббревиатуры из имен вождей и коммунистических символов.

Русские или христианские традиции так или иначе осуждались. Зато развернулся проект «Хазарии», еврейской автономии в Крыму. В советском правительстве его лоббировали Бухарин и Рыков, непосредственно возглавлял Юрий Ларин (Лурье), тесть Бухарина. За рубежом план получил название «Агроджойнт». В нем приняли участие американские банкиры Феликс и Пол Варбурги, фонд Рокфеллера, глава компании «Сирс и Ребек» Джулиус Розенвальд, благотворительная организация «Джойнт». Подключилось «Французское еврейское общество», было создано «Американское общество помощи еврейской колонизации в Советской России». Иностранцы брали на себя 80 % финансирования, и масштабы этой операции постепенно расширялись. Сперва говорили о переселении 280 тыс. человек, потом – о 100 тыс. семей (примерно полмиллиона человек). А были упоминания и о 3 миллионах. В зону еврейской автономии предлагалось включить уже не только Крым, но и южную степную полосу Украины, Приазовье, Кубань и Черноморское побережье вплоть до Абхазии. С 1928 года постановлениями президиума ЦИК СССР и ЦК партии были определены уже не одно, а два направления переселения – Крым и Приамурье. Здесь на землях, отобранных у амурских казаков, построили первые бараки, станицу Тихонькую переименовали в Биробиджан.

А натиск на Православие не прекращался. Священников, наряду с крестьянами, обложили продналогом, ввели большие налоги на регистрацию храмов, приходские усадьбы, право совершать богослужения. На население, и в первую очередь на молодежь, выплескивались мутные волны атеистической пропаганды, широко размахалось «Общество воинствующих безбожников» под руководством Ярославского (Губельмана), распространяло свой журнал «Безбожник». Но вот что интересно – формально провозглашалась борьба со всеми религиями. А в 1925 году в Москве были открыты две синагоги (хотя иудаизм, вроде бы, тоже осуждался). В мусульманских регионах рвение богоборцев сдерживали специальными указаниями «внимательно относиться к национальным особенностям», в том числе к «пережиткам» – которые можно ликвидировать только со временем, постепенно.

А протестанты и сектанты в данный период вообще не подвергались преследованиям! Наоборот, им даже передавали храмы, отобранные у православных. В России вполне официально действовали представительства международных баптистских и иных организаций. Под их эгидой даже возник «Бапсомол» – баптистский союз молодежи, и открыто вел свою работу.

В условиях нэпа было создано более 400 сектантских кооперативов, объединенных в «Братство взаимопомощи», в Москве открывались протестантские столовые, возникали многочисленные сельскохозяйственные сектантские «коммуны», и это не только не возбуждалось властями, а всячески поощрялось. И в результате численность паствы «протестантских конфессий» (включая баптистов, иеговистов, адвентистов, пятидесятников и т. п.) за 1920-е годы возросла в пять раз! За счет православных. Испытывая потребность молиться Богу, люди тянулись в секты.

А в Православной Церкви, кроме «живоцерковников», возникали и другие расколы. Некоторые священнослужители и миряне не признали компромисс Святителя Тихона с безбожной властью, отделились от Патриархии. Появилась «катакомбная церковь», приравнявшая условия своего существования к временам римских гонений, когда верующие тайно собирались в катакомбах. В частных домах оборудовались алтари, проводились службы. Священники переезжали с места на место, окормляя паству в разных городах. На нелегальный, «катакомбный» образ жизни переходили и монахи упраздненных монастырей. Поселялись в миру, но все равно держались своими общинами, скрытно соблюдали монастырские уставы и правила. Возникла категория тайных иноков – человек принимал постриг, но для посторонних оставался как бы светским лицом. Существование таких скрытых общин становилось возможным благодаря попустительству местного начальства. Где-то оно закрывало глаза за взятки, а кто-то из низовых партийцев и сам втайне сочувствовал, не потерял в душе веру в Бога.

Но высшее Священноначалие было на виду, под постоянным присмотром ОГПУ, и в покое его не оставляли. После кончины Патриарха Тихона местоблюстителем его престола стал митрополит Петр (Полянский). Его арестовали, стали докапываться о политических взглядах. Когда он сказал, что Церковь не может одобрить революцию, этого оказалось достаточно, он очутился в заполярной ссылке. То, что оставалось от аппарата Патриархии, временный Синод, возглавил его заместитель, митрополит Сергей (Страгородский). Его тоже несколько раз арестовывали. В очередной раз духовенство начали перетряхивать в 1927 году – в Варшаве 17-летний Борис Коверда застрелил советского полпреда (посла) Войкова, участника царевбийства. Среди эмигрантов, в том числе в РПЦЗ, это вызвало ряд одобрительных отзывов и заявлений. А Сергея (Страгородского) опять взяли под стражу и обвинили в связях с заграничными структурами Церкви. Указали, что они поддерживают антисоветскую борьбу и теракты.

Но Сергей согласился на еще один компромисс с властями. Подписал и издал послание «Об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти» (этот документ больше известен как Декларация митрополита Сергея): «Мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и Правительством» [43]. Митрополит пояснял свою позицию: «Мы хотим быть православными и в то же время осознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи». Говорилось, что случайностей для христианина нет, в любых событиях действует десница Божия, в том числе и в установлении советской власти. А от зарубежных архиереев митрополит Сергей потребовал подписать обязательство о лояльности к Советскому правительству, предупредив, что с несогласными Московская Патриархия порывает отношения. Декларацию подписали еще 8 архиереев и членов временного Синода.

Однако она вызвала целый взрыв расколов. Часть епископов, священников, прихожан, отвергла Декларацию. Появились общины «иосифлян», группировавшиеся вокруг Ленинградского митрополита Иосифа (Петровых), «даниловцев» – вокруг московского Данилова монастыря, мечевцы – по имени протоиерея Сергея Мечева. Возникла и умеренная оппозиция, одобрявшая Декларацию лишь частично. Она подтверждала, что Церковь должна относиться лояльно к светскому государству. Но указывала, что и государство не должно вмешиваться в дела Церкви, и нельзя мириться с действиями властей, враждебными вере. Свои протесты выражали по-разному. Одни принципиально отложились от временного Синода, заявляли, что

больше не признают его. Другие отношений не порывали, но перестали поминать митрополита Сергия на богослужениях. Или Сергия поминали, но отказывались поминать советскую власть, как требовал указ Синода. На оппозиционных священников начались церковные гонения, их запрещали в служении. Кто-то смирялся, уходил на покой. А кто-то продолжал служить, множилось число «катакомбников». Тут уж Сергей и его Синод развернули борьбу с «раскольничьим клиром». Снова запрещали в служении, даже отлучали от Церкви.

Ну а за границей бурю возмущения вызвало требование дать подписку о лояльности к советскому правительству. Архиерейский Собор РПЦЗ, заслушав Декларацию, постановил прервать сношения с Московской Патриархией «ввиду порабощения ее безбожной властью, лишаящей ее свободы волеизъявления и в каноническом управлении Церковью». В ответ из Москвы последовало постановление Временного Патриаршего Синода – «возникшее в Сремских Каровцах» Управление русскими епархиями объявлялось упраздненным, а его действия – не имеющими канонической силы и отмененными. Всем архиереям и священникам предписывалось порвать отношения с Управлением РПЦЗ под страхом соборного суда и запрещения в служении. Отныне РПЦ и РПЦЗ рассорились окончательно.

Глава 4

Расколы и Ватикан

Конечно же, митрополит Сергей (Страгородский) – и не только он, а весь Временный Синод, издавая свою Декларацию, лелеял надежды, что таким образом получится как-то смягчить политику большевиков, касающуюся Православия. Заслужить если не благожелательное, то хотя бы приемлемое отношение с их стороны. Но ничего подобного не произошло. Напротив, в 1928–1929 годах развернулась еще одна массированная кампания против Церкви. Всю страну охватили антирелигиозные акции. В Ленинграде в Рождественский сочельник учинили «ночь борьбы с религией» и взяли всех, кого застали в церквях. На Кубани под Рождество закрыли храмы, устроив в них молодежные вечеринки. В этот раз воинствующие безбожники обрушились даже на рождественские елки. Несмотря на то, что теперь их стали наряжать не на Рождество, а на Новый год, их объявили «религиозным пережитком». Были выпущены плакаты: «Только тот, кто друг попов, елку праздновать готов». По улицам ходили патрули из комсомольцев и добровольцев, подглядывали в окна, проверяя, кто еще следует «поповским обычаям»?

На Пасху комсомольцы по разным городам и селам так же дружно закидывали камнями Крестные Ходы, в Оренбуржье даже подожгли одну из станиц только для того, чтобы сорвать праздничную службу [108]. Для молодежи организовывались буйные антирелигиозные шашни с факелами, шествиями, плясками, кощунственными песнями и частушками. Священнослужителей в первую очередь репрессировали в ходе раскулачиваний. Закрывались храмы, их передавали для использования колхозам. А если прихожане пытались протестовать, это объявлялось «кулацкими восстаниями» и, соответственно, подавлялось.

Между прочим, эта кампания нацеливалась не только на религию. Одновременно ставилось целью добить и русскую культуру, и русскую мысль. Доломать фундамент традиций, чтобы на «пустом месте» насаждать нечто совсем иное. В том же самом 1929 году в Академию Наук были введены Бухарин, Покровский, Кржижановский, Рязанов, Деборин, Лукин, Фриче. Устроили там крутую чистку, из Академии было изгнано 648 сотрудников. Увольнениями гонители не ограничивались, было раздута дело об «академическом заговоре». За решетку попал весь цвет российских историков, философов, мыслителей: Платонов, Тарле, Ольденбург, Любавский, Готье, Измайлов, Лихачев, Бахрушин, Греков, Веселовский, Приселков, Романов, Черепнин, Пигулевская, Лосев и др. А под руководством Бухарина и «красного академика» Покровского для народа разрабатывалась совершенно другая история. Ее сводили к истории классовой борьбы. Все князья, Цари, полководцы, государственные деятели скопом охаивались как эксплуататоры или слуги эксплуататоров.

Справка: кто есть кто?

Бухарин Николай Иванович. Массон. Жил в Австро-Венгрии, Швейцарии, Швеции, США, в публикациях выбрал себе псевдоним Мойша Долголевский. Сотрудничал с Парвусом, был близок к Троцкому. В Советском Союзе стал идеологом партии, редактировал главные печатные органы, «Правду» и «Известия», член исполкома Коминтерна. Имел большое влияние среди коммунистической молодежи, в Академии красной профессуры, откуда вышли многие анти-сталинисты.

Комплексная программа Наркомата просвещения поучала: «Особой беды не будет, если дети не усвоят исторические факты и события, которые имели место до Октябрьской революции» [115]. В «Малой советской энциклопедии», изданной в 1930–1931 годах, статью об Оте-

чественной войне 1812 года писала ученица М.Н. Покровского профессор М.В. Нечкина. Даже слово «Отечественная» давалось в оскорбительных кавычках! С революционной точки зрения разъяснялось: «...»Отечественная» война, русское националистическое название войны, происшедшей в 1812 году... вооруженные чем попало крестьяне, защищая от французов свое имущество, легко справлялись с разрозненными французскими отрядами... дело тут было не в подъеме патриотического «духа», но в защите крестьянами своего имущества. Наполеон был вынужден покинуть Россию. Далее война... велась уже вне пределов Российской империи под громким лозунгом «освобождения» Европы из-под «ига Наполеона». Окончательная победа над последним явилась началом жесточайшей всеевропейской реакции...» [69, т. 6, с. 186, 187; т. 7, с. 418.].

О направленности кампании на полную переделку мышления людей говорит и тот факт, что теперь, в отличие от начала 1920-х, гонения развернулись против любых религиозных конфессий. Ликвидировались протестантские и сектантские общины, до сих пор действовавшие совершенно свободно, «коммуны» толстовцев, баптистов, молокан. Преследовали буддистов. На территории СССР были закрыты все дацаны, арестовывали и расстреливали лам. Под преследования попало и исламское духовенство, закрывались мечети, медресе. Закрыли даже часть синагог.

Украинская автокефальная церковь поддерживала хорошие отношения с «живоцерковниками» и с властями, и до сих пор ее не трогали. ОГПУ пользовалась ее услугами – потому что часть структур УАПЦ находилась на территории Польши, это открывало хорошие возможности для разведывательной и диверсионной работы. Но в 1930 году открылась связь УАПЦ с подпольной организацией националистов, Союзом освобождения Украины. Арестовали митрополита Николая (Борецкого), несколько епископов и более 300 священников. От руководства церкви ОГПУ потребовало созвать чрезвычайный собор и принять постановление о самороспуске. Через несколько месяцев церковь разрешили возобновить, но из названия убрали слово «автокефальная», митрополичью кафедру приказали перенести из Киева в Харьков (который был в то время столицей Украины), а все епархиальные управления ОГПУ жестко взяло под свой контроль.

А уж по Православной Церкви репрессии прокатились как паровой каток. В общем угаре местные начальники больше не смели покрывать верующих, и были разгромлены структуры «катакомбной церкви», монашеские общины, все еще существовавшие «в миру» (как, например, община Дивеевских сестер, изгнанных из монастыря, но обосновавшихся в Муроме). Такие братства верующих теперь квалифицировались как «организации», причем подпольные и контрреволюционные. А за это наказания были суровые. Лагеря, ссылки на «спецпоселения» в отдаленные гиблые места. Были и казни. В 1932 году в ростовской тюрьме расстреляли митрополита Кавказского Серафима (Мещерякова), епископа Барнаульского Александра (Белозера) и 120 священников и монахов. Случайный свидетель-геолог поведал об убийстве 60 священников в июле 1933 года на берегу Лены. Их ставили на край ямы и задавали вопрос, есть ли Бог. Каждый твердо отвечал: «Да, есть Бог!» – и звучал выстрел [98].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.